

Десять лет со дня смерти Е. Б. Вахтангова

ПАМЯТИ МАСТЕРА

Десять лет тому назад умер один из наиболее талантливых режиссеров нашего времени — **ЕВГЕНИЙ БАГРАТИОНОВИЧ ВАХТАНГОВ**. Его творческий путь заслуживает специальных и подробных исследовательских работ, которых пока-что, к сожалению, еще нет. Несмотря на краткую артистическую жизнь (Вахтангов умер очень молодым), он создал ряд сценических работ, своеобразных и оригинальных, с индивидуальным почерком. «Турандот», «Чудо святого Антония», «Гадибук» войдут как первоклассные произведения театрального искусства в хрестоматию мирового театра. В работах Вахтангова заметны влияния двух самых крупных мастеров сцены, полярных по своим художественным устремлениям — Станиславского и Мейерхольда. Однако это ни на одну секунду не делало его творчество эклектичным. В отдельных постановках он умел блестяще сочетать радость театральной игры с остротой социальных характеристик.

Разумеется, в творчестве Вахтангова и в его методе, который он при жизни

не имел возможности раскрыть до конца, есть крупные ошибки. Но то, как Вахтангов принял Октябрьскую революцию, свидетельствует о том, что он стоял на правильном пути преодоления этих ошибок. Один из немногих из круга художественной интеллигенции с первых же дней Октября он понял, что пролетарская революция создает условия для грандиозного расцвета художественного творчества, что только вместе с народом и в условиях революционной борьбы с отживающим миром возможно создание подлинных больших произведений искусства. Е. Б. Вахтангов был первым и искреннейшим попутчиком на театре. За 10 лет, прошедших со дня его смерти, театр его имени, выросший из маленькой студии, стал одним из любимейших театров рабочих, того народа, о котором говорил Вахтангов. И лучшим венком на могилу слишком рано сгоревшего мастера сцены будет активная борьба вахтанговцев за дальнейшую перестройку театра, за повышение качества его работы в соответствии с выросшими требованиями рабочего класса.

Вечер на Остоженке

Ровно десять лет тому назад, 29 мая 1922 года, умер Евгений Багратионович Вахтангов. Это был страшный день для нас, его учеников. Мы толпились в квартире Евг. Ваг. в Денежном переулке, растерянные, опарашенные. Мы знали: создателя нашей спайки, учителя, давшего нам образцы высшего искусства, — этого человека нет. Впрочем, не мы одни переживали эту потерю. Рядом стояли старшие товарищи из Художественного театра. Несколько поколений театральной молодежи, так или иначе обязавшей себя своей учебы с Вахтанговым, переживали в то утро тяжесть утраты.

С тех пор прошло десять лет. В ноябре мы отмечаем десятилетие своего театра.

Память — коварный или нерасторопный друг. В ее резервах должно бы, кажется, сохраниться столько неиспользованных отглаголов и отщепотков встреч и общений с Евгением Багратионовичем. И вот сейчас, как на зло, она подсовывает стертые клише, бывшие в употреблении на всех гражданских панихидах, фигурировавшие во всех некрологах.

Среднего роста, горбоносый человек в хаки защитного цвета подымался по скрипящей деревянной лестнице двухэтажного дома в одном из переулков на Остоженке. При более внимательном взгляде он оказался широкоплечим, легким в походке с быстрыми и острыми глазами. Крепко и коротко он пожимал руки всем встречавшим его, бросил кому-то из них смешливое незначущее словцо — и через минуту оказался сидящим в довольно скупо освещенной комнате за преподавательским столиком. Начался очередной урок Вахтангова в Студенческой драматической студии. В городе таял желтый и рыхлый, как халва, снег. Была весна 1918 года. Шли бои на бесчисленных фронтах. Вахтангов делал свое обычное, острое и трудное дело о непринужденности человека, который не боится раздаривать самого себя. Он метал об «импровизации», т. е. о таком спектакле, который составился и сочинился тут же на этих занятиях и по заранее разработанной канве фабулы, с заранее зафиксированными образами участников. Подлежащее фиксации начало понемногу определяться. Ипра встала в свой круг всех.

Бытовые подробности, внутренние мотивировки, воображаемые биографии начали обволакивать схему. Вахтангов смеялся, приглядываясь к ученикам. Он и сам учился на их попытках.

После небольшого предварительного слова участники — их было трое: двое мужчин, одна женщина — вышли на потрясающе маленькую сцену, притолкнув разве для боя петухов. Предстояло изобразить тишицы и романтических актеров, связанных подобием любовной интриги, мечтающих о том, чтобы «служить людям».

Исполнители робели, но все-таки начали. Замлевыми и сдавленными го-

лосами перекидывались они репликами, стараясь придать им живость и движение. Она часто падали. Потом стало ясно, что у них ничего не вышло. Вахтангов это признал с очень малой дозой горечи. Наверно, он знал, что так и будет. Он знал, что из этих неопределенных, колебательных, судорожных поползновений складывается рост творческой личности. Знал и никогда не торопился. Его увлекал процесс. Можно сказать, что в основу его метода было положено то самое терпение, которое окрыляет садоводов в их опытах прививок и пересадок. Во всяком случае он был уверен, что строит прочно — не для себя, так для тех, кто придет после.

Одна чеховская героиня говорит: «Милая моя, это талант! А ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... Посадит дерево и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить».

Таким был Вахтангов во всем том периоде «первоначального накопления», о котором сейчас идет речь.

С тех пор прошло больше 10 лет. У нас нет Вахтангова. — и есть его театр, — разнообразно вооруженный, пестрый по составу, еще растущий и, как нам очень редко кажется, достойный его имени.

О нем говорить не приходится. Он известен на всех перекрестках, на всех торных колеях театральной влостности. Сейчас память снова возвращается к вечерам в Мансуровском переулке, когда театра не было, мы были юны, а Евгений Багратионович — молод. В тот вечер, о котором идет речь, он ушел от нас далеко за полночь. Бывало, что он засыпался до рассвета.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ.